

Лю Гуюй не знал, что произошло потом, и тем более не знал, как Линь Синь-нян поставила владельца лавки с танъюань в тупик, лишив его дара речи.

Он вместе с Цинь Жунши вернулся домой на повозке, и едва они вошли во двор, как их тут же окружили Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань.

— Ну как? Ну как?

— Всё продали?

Лю Гуюй и сам был взволнован, он энергично закивал:

— Всё до последнего! Даже не хватило, завтра, похоже, придётся сделать побольше!

В котле уже стояла разогретая еда, но никто и не думал садиться ужинать - вся семья уселась вокруг маленького столика, ожидая подсчёта выручки. Лю Гуюй снял с плеча сумку, достал кошелёк, резко развязал завязки и высыпал медные монеты на стол. Монеты с грохотом рассыпались, вскоре заняв всю поверхность, некоторые даже покатались через край и посыпались на пол, отчего Цинь Баньбань в панике принялась их подбирать.

Сегодня деньги собирал Цинь Жунши, он примерно представлял, сколько они заработали, а вот Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань не знали совсем ничего. Мать с дочерью весь день места себе не находили: и стирая, и подметая, и готовя, и отваривая лекарства, всё время переживали, боясь, что ничего не продается.

Теперь же у обеих глаза стали круглыми, а Цинь Баньбань и вовсе не удержалась и воскликнула:

— Ого!

Лю Гуюй скрутил из травяной верёвки нить для связки монет, затем принёс из главной комнаты небольшую бамбуковую корзинку и, занимаясь делом, сказал:

— Давайте считать. По сто монет в связку, посмотрим, сколько получится.

Сегодня он сделал по пятнадцать порций бочжайгао каждого вкуса и тридцать чаш бинфэня; на глаз выходило не меньше двухсот-трёхсот вэнь.

Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань энергично закивали и принялись считать: по десять монет передавали Лю Гуюю, а он уже нанизывал их на шнур. Так они возились довольно долго, прежде чем всё пересчитали. Цинь Жунши не стал к ним присоединяться - он раскрыл книгу и начал читать: за весь день на ярмарке ему так и не удалось пролистать ни страницы.

— Триста двадцать вэнь! Небо милостивое, так много! — воскликнула Цуй Ланьфан, глядя на три связки медных монет в корзинке; радость на её лице буквально не помещалась.

Ведь наёмный работник в городе за день зарабатывает всего двадцать-тридцать вэнь, а тут за один день вышла месячная выручка, как же тут не взволноваться и не обрадоваться!

Всё получилось примерно так, как и рассчитывал Лю Гуюй, он довольно кивнул и сказал:

— Завтра надо сделать побольше. Сегодня даже не хватило, на храмовой ярмарке людей просто тьма!

Будто весь город разом туда вышел гулять!

Цуй Ланьфан поспешно закивала и ответила:

— Ладно, ладно! Мы с Баньбань сегодня же дома подготовим заготовки на завтра, ещё добавим, не так уж это и трудно!

Сказав это, она снова подвинула деньги к Лю Гуюю и с улыбкой добавила:

— Забирай, забирай! Это ты сам заработал своим умением! Ты молодой гэр, у тебя должны быть свои деньги!

На самом деле она хотела сказать, что ему стоит откладывать на приданое, но при детях не стала говорить прямо.

Лю Гуюй не понял её скрытого смысла, лишь снова отодвинул деньги обратно и махнул рукой:

— Вы храните. У нас в доме всегда вы за деньги отвечали! Берегите их, это на ваши лекарства, а если останется, можно и эрлана отправить учиться!

Он уже твёрдо решил - нужно держаться за Цинь Жунши, как за надёжную опору.

Не дожидаясь реакции Цуй Ланьфан, Лю Гуюй просто встал, зашагал к очагу, нарочно сменив тему:

— Давайте есть! Я уже с голоду умираю... А, кстати, завтра надо взять с собой сухой паёк, чтобы днём перекусить.

Цуй Ланьфан больше ничего не сказала, только снова кивнула и позвала Цинь Баньбань подавать блюда и раскладывать рис, сама же забрала деньги и отнесла их в комнату.

После ужина вся семья принялась готовить бочжайгао и бинфэнь на следующий день; провозились долго, а потом, умывшись и приведя себя в порядок, разошлись по своим комнатам спать.

На следующий день первой проснулась Цуй Ланьфан - ещё до рассвета. Она решила сперва приготовить завтрак, а уже потом будить Лю Гуюя и Цинь Жунши. Днём у детей дел невпроворот, пусть хоть сейчас подольше поспят.

Она сварила кукурузную кашу, напарила просовые пампушки и даже нагрела воду для умывания, и только после этого пошла будить их. Лю Гуюй и Цинь Жунши по очереди вышли из комнат, умылись, быстро позавтракали и поспешно отправились в путь.

Ещё толком не рассвело, лишь в небе пробивалась бледная белёсая полоска света, а на свинцово-сером небосклоне всё ещё угадывался тонкий серп луны. Лю Гуюй устроился на телеге, подстелив под себя сухую траву, и грыз пампушку. Жуюя, он смотрел на постепенно остающееся позади деревню Шанхэ.

Среди полукольца зелёных гор виднелись низкие домишки, будто грибы, выросшие после дождя. С горы Сяюлю стекал прозрачный ручей, тихо вливался в деревенскую речушку, а та, в свою очередь, тянулась к городу Фушуй, сливаясь там с рекой Даньшуй. Колёса телеги крутились, мерно катясь по грунтовой дороге.

Когда они добрались до Фушуя, уже совсем рассвело. Лю Гуюй, как и вчера, заплатил налог за въезд, и они въехали в город. Слева у ворот находился загон для мулов и лошадей - все, кто въезжал с грузом, могли оставить там скот: два вэня за час, четыре за два, а за день не больше десяти.

Цинь Жунши отправился устраивать быка и повозку, а Лю Гуюй повёз свой лоток к ярмарке, чтобы заранее всё разложить. Сегодня они приехали раньше, чем вчера, но стоило Лю Гуюю подойти к месту, где они торговали накануне, как он увидел, что оно уже занято - тем самым торговцем таньюань. Тот тоже заметил его и, подняв голову, улыбнулся - в этой улыбке явно читалось самодовольство.

Лю Гуюй: «...»

Вот уж постарался - встал ни свет ни заря, лишь бы занять это место.

Лю Гуюй слегка закатил глаза, затем оттолкнул тележку в сторону, выбрал другое место, остановился и аккуратно разложил бочжайгао и бинфэнь.

Утром людей было немного, дел почти не было, и он просто разглядывал редкие соседние лавки. И тут, присмотревшись, он заметил: тот самый торговец таньюань сегодня вовсе не продаёт привычные шарики с кунжутной начинкой. Вместо этого он налепил крошечные таньюань размером с кончик пальца и, подражая бинфэню, добавлял туда арахис, коричневый

сахар и какие-то тёмно-фиолетовые сухие лепестки, название которых и не разберёшь. Лю Гую сразу вспомнил вчерашние слова Линь Синь-нян - та предупреждала, что этот человек любит копировать чужие идеи и с ним стоит держать ухо остро.

Стоило ему подумать о Линь Синь-нян, как к нему тут же подбежала её младшая дочь - Ло Майэр. Сегодня они тоже сменили место - не потому что их прежнее заняли, а просто не захотели стоять рядом с этим подражателем, поэтому выбрали другое.

Линь Синь-нян души не чаяла в младшей дочери: девочку нарядили так, что глаз не отвести - нежно-розовое платьице, волосы уложены в два пучка, украшенные жёлтыми шёлковыми цветами, с зелёными ленточками, свисающими вниз. Вся она была такая яркая и живенькая, словно бабочка, выпорхнувшая из цветника.

Она присела у ног Лю Гуюя, жуя сладкую мягкую лепёшку, и сердито начала жаловаться:

— Брат Гуюй! Этот человек такой плохой! Он начал подражать тебе и продаёт какие-то «ледяные танъюань»! Только бинфэня нет, а всё остальное почти такое же! Раньше в городе так танъюань никто не продавал! Он специально тебя копирует! Это слишком!

Девочка возмущённо надулась, даже лицо у неё покраснело. Лю Гуюй почувствовал и тепло на душе, и лёгкую усмешку, не удержался и погладил её по голове, мягко утешая:

— Ладно, не злись. Пусть копирует сколько хочет, у кого невкусно, тот сам и опозорится.

Он ещё немного его поуговаривал, пошутил, и только тогда лицо Ло Майэр наконец прояснилось. Она, шлёпая ногами, пробежала мимо лавки с танъюань и, проходя, нарочито громко фыркнула в сторону хозяина.

Лю Гуюй усмехнулся:

— Вот ведь девчонка.

Он посмеялся немного. Конечно, он видел, что продавец танъюань его копирует, но несколько не переживал, наоборот, спокойно вытягивал шею, раз за разом поглядывая по сторонам переулка.

Цинь Жунши всё ещё не было. Лю Гуюй начал беспокоиться: сегодня они сменили место, вдруг тот не найдёт его? Он даже вышел вперёд к лавке и постоял на видном месте, специально помахал пару раз, но Цинь Жунши всё не появлялся.

Странно, ведь от стойла до сюда совсем недалеко. Он уже хотел попросить Линь Синь-нян присмотреть за лотком, а сам пойти поискать, как вдруг заметил, что Цинь Жунши идёт к нему.

— Эрлан!

Лю Гуюй энергично замахал рукой и громко окликнул его. Цинь Жунши тут же ускорил шаг и подошёл.

— Почему так долго? По дороге что-то случилось? — с тревогой спросил Лю Гуюй.

Цинь Жунши на мгновение замер, затем поджал губы и ответил:

— Ничего не случилось. Там появились новые лавки, я остановился посмотреть, поэтому немного задержался.

Вот оно что. Лю Гуюй облегчённо выдохнул и, между делом, спросил:

— Какие лавки?

Цинь Жунши вытащил из-под тележки деревянное ведро, собираясь идти к колодцу за водой, и, услышав вопрос, на мгновение замялся, затем слегка отвёл взгляд и ответил:

— С таньюань.

Опять таньюань?

Лю Гуюй хотел было ещё расспросить, но Цинь Жунши уже ушёл с ведром, и слова пришлось проглотить. Время шло, людей на ярмарке становилось всё больше.

— Таньюань! Ледяные таньюань! — раздавался крик.

Хозяин лавки с таньюань всюду надрывался, зазывая покупателей, и ему действительно удалось привлечь несколько человек. Одна девушка, вышедшая погулять с младшим братом, остановилась у его прилавка и спросила:

— Ледяные таньюань? Разве здесь вчера не бинфэнь продавали? Я вчера не успела купить, сегодня специально пришла, а тут уже таньюань?

Хозяин усмехнулся:

— Да какая разница! Вкус почти такой же!

Девушка нахмурилась в нерешительности, собираясь что-то сказать, как вдруг почувствовала,

что кто-то дёрнул её за подол. Она опустила взгляд и увидела девочку в розовом платье.

Ло Майэр широко ей улыбнулась и громко сказала:

— Сестричка! Хочешь бинфэнь? Там, вон там, продают!

Девушка невольно посмотрела в указанную сторону и увидела неподалёку маленький лоток - за ним стоял Лю Гуюй и улыбался ей.

Точно, это же гэр продаёт! Она ведь вчера уже слышала, что бинфэнь продаёт молодой гэр! Вот оно!

Девушка решительно отказалась от «ледяных танъюань», взяла брата за руку и направилась к прилавку Лю Гуюя. Ло Майэр, оперев руки в бока, довольно расхохоталась, напоследок показала продавцу язык, а потом, прежде чем тот успел рассердиться, ловко ускользнула.

У Лю Гуюя тоже пошли первые продажи. Проводив покупательницу с бинфэнем, он снова принялся громко зазывать:

— Бинфэнь! Бочжайгао! Подходите, покупайте!

Хоть они и сменили место, торговля шла ничуть не хуже, чем вчера; даже появились постоянные покупатели, приводившие с собой друзей попробовать. А вот у лавки с танъюань дела тоже шли неплохо - возможно, сработала новизна, да и цена у него была на два вэня ниже, поэтому желающие находились.

Так они и проработали до самого полудня, когда у лавки с танъюань вдруг поднялся шум.

Какой-то мужчина возмущённо закричал:

— Эй, хозяин! Что это у тебя за сушёные цветы?! Почему в них черви?!

<http://bllate.org/book/17177/1615105>